

очень много, и предвидится рядъ изданій, когда будутъ собраны и разобраны всѣ воспоминанія, когда появятся въ печати неизданные рассказы и повѣсти, когда все изданное за границей будетъ пересмотрѣно русской наукой съ приложеніемъ строгаго научнаго метода, тогда передъ русскимъ образованнымъ обществомъ раскроется въ высокой степени интересная и поучительная страница въ исторіи культуры и просвѣщенія.

Л. Н. въ воспоминаніи о своемъ дѣтствѣ рисуетъ такую картину: двухлѣтній ребенокъ лежитъ въ пеленкахъ, ему тѣсно, непріятно, и онъ кричитъ: „Окружающимъ кажется, говоритъ ребенокъ, что эти пеленки нужны, тогда какъ я знаю—утверждаетъ Л. Н. устами ребенка,—что это ненужно, и хочу доказать это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ... Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ; я, кому она нужна, слабъ, они сильны, и я кричу“. Исторія должна выяснить, какъ Толстой кричалъ во имя свободы, гуманности, любви отъ 2-лѣтняго до 83-лѣтняго возраста, что его мучило, тѣснило, въ какихъ формахъ жизни онъ усматривалъ преуспѣяніе свободы, что содѣйствовало и что препятствовало его проповѣди, на какую общественную почву она падала, и каковы ея реальныя послѣдствія.

Изученіе нравственнаго и философскаго роста Толстого представляетъ громадное значеніе, не только научное, но и общественно-воспитательное. Что вело Толстого къ опрощенію, къ проповѣди? Вель его большой умъ, но этого мало, вела совѣсть, великая совѣсть. Выше писателя въ Толстомъ сталъ человекъ, чрезвычайно чуткій къ велѣніямъ нравственнаго долга, въ поискахъ добра и правды. Толстой чутко прислушивался къ голосу совѣсти и постоянно обращался къ совѣсти людей, къ совѣсти всего человѣчества.

Великое сердце Льва Николаевича съ годами не старѣло, не охлаждалось, наоборотъ; оно все болѣе и болѣе наполнялось чувствомъ любви и состраданія. Графиня Софья Андреевна сообщила, что въ послѣднее время Л. Н. обнаруживалъ большое безпокойство, мучился страданіями крестьянъ и своихъ посѣтителей, часто говорилъ о томъ, „какъ